

Субъективное благополучие россиян: барьеры и контуры социальной субъектности

Сушко Павел Евгеньевич

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: sushkope@mail.ru

Цитирование: Сушко П.Е. (2026). Субъективное благополучие россиян: барьеры и контуры социальной субъектности. *Terra Economicus* 24(3), 69–87. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-3-69-87

В статье на данных Института социологии ФНИСЦ РАН (октябрь 2025 г., N = 2000) исследуются особенности субъективного благополучия россиян, рассматриваемые в контексте проявлений и барьеров индивидуальной социальной субъектности. На основе авторского индекса субъективного благополучия (Индекс СБ), охватывающего оценки респондентами ситуации в 16 ключевых сферах их жизни, выделены пять групп, профили которых дифференцируются от субъективного неблагополучия до социальной успешности. Анализ взаимосвязи внутригрупповых структур, социально-демографического профиля, реализации жизненных целей и распространенных проблем позволяет сделать предположение об иерархической модели социальной субъектности россиян, развивающейся от базовой интегрированности в микросоциум к автономному проектированию жизненного пути. Показано, что последовательное расширение спектра позитивных оценок россиянами ситуации в разных сферах жизни происходит от первичного социального капитала (отношений в семье и ближнем круге) к материальным, профессиональным и рекреационным возможностям по мере роста Индекса СБ. Эта закономерность сопряжена с ростом числа достигнутых целей за последние три года и соответствующим углублением горизонтов планирования по мере перехода к наиболее благополучным группам. Зафиксировано изменение характера жизненных барьеров, при котором множественные проблемы, ограничивающие наименее благополучные группы, по мере роста субъективного благополучия сменяются дефицитом времени и высокой интенсивностью реализации целей. Таким образом, универсальным фундаментом социальной субъектности может выступать социальное признание в ближнем круге, а стабилизация материального положения – обеспечивать базовый контроль над внешними обстоятельствами и давать возможность адаптироваться к ним. На этом фоне доминирование позитивных оценок в отношении доступа к нематериальным ресурсам может свидетельствовать о переходе индивида к проактивной форме социальной субъектности, которая позволяет ему не просто адаптироваться к меняющейся реальности, но и преобразовывать ее под свои цели. В целом же выявленные закономерности отражают сложную иерархичную природу социальной субъектности, задавая концептуальный вектор для операционализации ее многоуровневой объяснительной модели в рамках будущих исследований.

Ключевые слова: российское общество; субъективное благополучие; социальное неравенство; социальная стратификация; качество жизни; социальная субъектность; самореализация

Russians' subjective well-being: Barriers and contours of social agency

Pavel Sushko

Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: sushkope@mail.ru

Citation: Sushko P. (2026). Russians' subjective well-being: Barriers and contours of social agency. *Terra Economicus* 24(3), 69–87 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-3-69-87

Based on empirical data from the Institute of Sociology of FCTAS RAS (October 2025, N = 2000), this paper investigates the specifics of Russians' subjective well-being in relation to the manifestations and barriers of individual social agency. Applying the authors' Subjective Well-Being Index (SWB Index) based on respondents' evaluations of 16 life domains, the research delineates five groups ranging from subjective ill-being to social success. An analysis of the interconnections among intragroup structures, socio-demographic profiles, the realization of life goals, and prevalent everyday problems allows for the conceptualization of a hierarchical model of social agency. This model develops sequentially from basic integration into the micro-social environment toward the autonomous construction of a life trajectory. The findings demonstrate that as the SWB Index increases, the spectrum of positive assessments expands consistently from primary social capital, including family and close relations, to material, professional, and recreational opportunities. This structural pattern correlates with an increase in the number of realized goals over the past three years and a corresponding extension of planning horizons among the most well-off groups. Furthermore, the research reveals a qualitative shift in the nature of life barriers, where the multiple problems restricting the least well-off groups are gradually replaced by time deficits and a high intensity of goal realization as subjective well-being improves. Consequently, social recognition within primary networks may function as the universal foundation of social agency, while the stabilization of the material situation provides basic control over external circumstances and facilitates situational adaptation. Against this background, the predominance of positive assessments regarding access to non-material resources indicates an individual's transition to a proactive form of social agency, enabling them not merely to adapt to a changing reality but to actively transform it in accordance with their goals. Ultimately, the identified empirical patterns reflect the complex hierarchical nature of social agency, setting a conceptual vector for the operationalization of a multilevel explanatory model in future research.

Keywords: Russian society; subjective well-being; social inequality; social stratification; quality of life; social agency; self-realization

JEL codes: I24, I31, D63, J24, D10

Введение

Исследование повседневных практик россиян в условиях текучей современности (Бауман, 2008) и нарастающей геополитической турбулентности выводит на первый план проблему взаимосвязи субъективного благополучия и индивидуальной социальной субъектности. В ситуациях перманентных внешних вызовов традиционный анализ объективного положения россиян не всегда позволяет в полной мере оценить их реальную социально-экономическую устойчивость и способность к преодолению структурных ограничений. Именно субъективное измерение приобретает в этой связи ключевое значение для понимания внутреннего потенциала развития различных социальных групп. В частности, анализ субъективных оценок дает возможность эмпирически проследить сохранение баланса между интегративным единством системы и авто-

номией личности, который классики социологической науки рассматривали в качестве фундаментального условия долгосрочной устойчивости всего социального порядка (Парсонс, 2002).

Поддержание такого равновесия сегодня напрямую зависит от способности индивидов сохранять контроль над своим микромиром и конвертировать доступные ресурсы в реальные жизненные достижения. В рамках данного исследования выдвигается предположение о том, что профили субъективного благополучия могут выступать своеобразным индикатором результативности работы скрытых механизмов социальной субъектности. Высокий уровень удовлетворенности базовыми сферами жизни в такой оптике ассоциируется со способностью граждан автономно выстраивать свою траекторию и преодолевать дестабилизирующее влияние внешней среды. В свою очередь, преобладание негативных оценок может маркировать вероятные зоны блокировки социальной субъектности и высокую социальную уязвимость. Изучение структуры этих оценок у разных групп населения позволяет выявить ключевые барьеры самореализации и предварительно очертить эмпирические контуры социальной субъектности россиян без жесткого постулирования ее итоговой структурной модели.

Субъективное благополучие и социальная субъектность: концептуализация и методология анализа

Теоретико-методологическое осмысление субъективного благополучия в реалиях текущей современности требует релевантной объяснительной рамки с учетом влияния масштабных внешних вызовов последних лет на повседневную жизнь россиян (Горшков, Тихонова, 2025). Традиционно в научном дискурсе социальное благополучие связывалось с объективными индикаторами доходов и накоплением материальных активов. Однако в условиях нарастающей геополитической нестабильности эти параметры утрачивают роль исчерпывающего критерия. Объективный срез позволяет зафиксировать внешнее состояние повседневности и оказывается слабо чувствительным к скрытым механизмам работы социальной субъектности. Фиксация стабильных социально-экономических показателей ставит закономерный вопрос о природе этой стабильности. Важно понимать, является ли она результатом проактивного освоения самими гражданами открывающихся возможностей или же поддерживается за счет критического истощения их внутренних резервов. Такое латентное напряжение делает благополучие населения уязвимым в долгосрочной перспективе и требует учета его субъективных оценок.

Ограниченность исключительно материального измерения проявляется также в игнорировании феномена самодостаточности, при котором одним из ключевых факторов устойчивости общества выступает способность населения мобилизовать внутренний потенциал в ответ на институциональные дефициты (Горшков, Седова, 2015). Такой подход позволяет отчасти преодолеть объяснительный тупик, известный в науке как парадокс Истерлина. Речь идет об отсутствии прямой связи между ростом доходов и уровнем счастья (Easterlin, 1974). Фокус же на самодостаточности позволяет объяснить, каким образом субъективное благополучие поддерживается не только за счет внешнего притока благ, но и эффективности реализации внутренней субъектности. При этом доминирование краткосрочных и ситуативных стратегий планирования в условиях «текущей современности» (Бауман, 2008) существенно ограничивает индивидуальную автономию, что диктует необходимость рассмотрения самодостаточности не только как изолированного феномена, но и во взаимосвязи с субъективным благополучием в целом. Последнее, как известно, не является монолитным, поскольку предполагает принципиальное разграничение когнитивного компонента, связанного с осмыслением жизненных целей и достижений, и аффективного, отражающего эмоциональные реакции (Ryff, 1989; Diener et al., 1999). Если аффективные оценки подвержены ситуативным колебаниям под влиянием внешних шоков, то когнитивные самооценки позволяют зафиксировать сравнительно устойчивый баланс между затрачиваемыми усилиями и субъективно ощущаемой отдачей от них во всех ключевых сферах жизнедеятельности.

Рационализированная оптика когнитивных оценок как раз и открывает путь к исследованию взаимосвязи субъективного благополучия и социальной субъектности индивида. Генезис представлений о независимости действия восходит к философской традиции Р. Эмерсона, постулировавшего приоритет индивидуальной автономии над внешними обстоятельствами (Emerson,

1841). В современном научном дискурсе этот концепт получил развитие через теорию самоэффективности А. Бандуры и категорию агентности Э. Гидденса, где последняя рассматривается как способность индивида взаимодействовать со структурными ограничениями и преобразовывать их (Bandura, 1997; Гидденс, 2005).

Вместе с тем введение категории социальной субъектности в анализ субъективного благополучия позволяет более тесно связать ресурсную базу индивида с его субъективным мироощущением. Методологическим фундаментом такого синтеза выступает теория способностей (*capability*) А. Сена, дополненная концепцией человеческого развития М. Уль-Хака. Если А. Сен перенес фокус с обладания ресурсами на реальные возможности индивида реализовывать значимые виды деятельности (Сен, 2004), то М. Уль-Хак подчеркнул, что целью развития является расширение человеческого выбора и активное участие индивидов в формировании собственной жизни (ul Haq, 1995). В данной парадигме субъектность выступает ключевым связующим звеном между объемом доступных ресурсов и итоговым качеством жизни.

На этом фоне исследователи все чаще рассматривают социальную субъектность не просто как абстрактную категорию свободы воли, а как вполне измеримый конструкт, взаимосвязанный с уровнем субъективного благополучия. В частности, обосновывается позиция, согласно которой расширение материальной базы и доступа к нематериальным ресурсам формирует базис для эмансипативной агентности индивида, выступающей одним из ключевых факторов общей удовлетворенности жизнью (Welzel, 2013). Вместе с этим изучается эмпирическая взаимосвязь между расширением человеческих возможностей и субъективными метриками. Результаты исследований показывают, что обретение автономии как реальной возможности совершать свободный выбор и контролировать свою жизнь выступает самостоятельным и значимым фактором субъективного благополучия (Graham, Nikolova, 2015). При этом одни исследователи могут рассматривать субъектность как часть человеческого благополучия (Alkire, 2002, 2005), другие же более четко различают благополучие и субъектность (Sen, 1985; Crocker, 2008). Однако, несмотря на возможные различия в операционализации субъектности, фокус на ее взаимосвязи с субъективным благополучием и различными объективными метриками качества жизни сохраняет свою эвристическую ценность и подчеркивает безусловную актуальность подобных эмпирических исследований. Особую значимость для понимания внутренних ресурсов личности приобретает темпоральное измерение субъектности. В такой трактовке она включает в себя не только усвоенный опыт прошлого и практическую оценку настоящего, но и проективную способность конструировать будущее (Emirbayer, Mische, 1998; Hitlin, Elder, 2007). Именно проективный компонент, выражающийся в расширении горизонтов планирования, рассматривается в качестве надежного маркера перехода индивида от вынужденного приспособления к среде к преобразующему социальному действию.

Опираясь на эти теоретические предпосылки и учитывая отечественную традицию, в рамках которой саморегуляция личности рассматривается как механизм адаптации к нестабильности (Ядов, 2013), мы интерпретируем социальную субъектность как деятельностьную способность индивида самостоятельно конвертировать имеющиеся ресурсы в такое качество жизни, которое получает высокую оценку со стороны самого субъекта. В этом ракурсе она позволяет человеку выступать активным автором собственных жизненных стратегий, а не реактивно подстраиваться под внешние условия для ситуативного выживания. Эмпирически в рамках данного исследования представленный теоретический контур операционализируется через анализ оценок индивидами ситуации в ключевых сферах их жизнедеятельности. Мы исходим из того, что динамика и структура таких оценок способна отражать предполагаемое иерархическое развертывание субъектности от базовой поддержки в семье и обретения ресурсной автономии до готовности конструировать долгосрочные планы и реализовывать их.

Мы предполагаем, что удовлетворенность конкретными аспектами жизни отражает не просто уровень комфорта, а в том числе степень реализации субъектности индивида в заданных институциональных рамках. Субъективные оценки в данном случае выступают индикатором того, насколько эффективно имеющиеся у человека способности (в терминах А. Сена) конвертируются в осознаваемые им самим достижения. Предложенный подход во многом дополняет и углубляет отечественную линию анализа субъективного благополучия в его взаимосвязи с

объективными характеристиками и реальными жизненными достижениями россиян (Алмакаева и др., 2025; Сушко, 2023; Латова, 2017). В целом же данное исследование располагается на стыке двух аналитических направлений и фокусируется на изучении взаимосвязи стратификационных профилей субъективного благополучия и проявлений социальной субъектности индивида.

Методической основой анализа выступает Индекс субъективного благополучия, разработанный и ранее апробированный нами на многолетних массивах данных Института социологии ФНИСЦ РАН. Индекс строился на основе ответов россиян на вопрос «Как Вы оцениваете следующие стороны Вашей жизни?», включающий 16 сторон жизни со следующими вариантами ответа: «хорошо», «удовлетворительно» и «плохо» (подробнее список сфер см. в табл. 1). Затруднившиеся ответить исключались из анализа. Оценкам «хорошо» присваивалось значение в 1 балл, «удовлетворительно» – в 0,5 балла, «плохо» – в 0 баллов. Итоговое значение Индекса СБ для каждого респондента рассчитывалось как простая сумма баллов по всем показателям на основе данных всероссийского опроса Института социологии ФНИСЦ РАН (октябрь 2025 г.). Значения Индекса СБ располагались в диапазоне от 0 до 16 баллов, а среднее и медианное значения составили 10 баллов. При определении границ групп мы ориентировались на минимизацию различий в оценках внутри них и максимизацию различий между ними. В частности, применялся метод критериальной группировки, основанный на анализе таблиц сопряженности итоговых баллов Индекса СБ и распределения ответов по каждой из 16 сфер жизнедеятельности. Ключевым маркером для проведения границ между группами выступали качественные сдвиги в структуре доминирующих оценок «хорошо», «удовлетворительно» и «плохо».

В результате такого анализа значения Индекса были объединены в пять интервалов, соответствующих пяти группам с качественно различающимся уровнем субъективного благополучия. Первая группа (Неблагополучие) объединила показатели от 0 до 4,5 балла, которые отражали преобладание негативных оценок ситуации в этой группе в большинстве рассматриваемых сфер жизни. Вторую группу (Неустойчивое благополучие) сформировали значения Индекса СБ от 4,6 до 9,5 балла. Среди ее представителей доминируют удовлетворительные оценки ситуации в большинстве сфер жизни, однако доля негативных ответов численно превышает долю позитивных. Третья, срединная зона благополучия соответствует интервалу Индекса СБ от 9,6 до 11 баллов и характеризуется преобладанием удовлетворительных оценок при качественном сдвиге, когда ответы «хорошо» начинают превалировать над ответами «плохо». Четвертая группа (Устойчивое благополучие) охватывает диапазон значений Индекса СБ от 11,1 до 13 баллов, что соответствует абсолютному преобладанию хороших оценок в 11 из 16 исследуемых сфер. Пятая группа (Социальная успешность) объединяет максимальные значения Индекса СБ (от 13,1 до 16 баллов), фиксируя доминирование позитивных оценок ситуации представителями этой группы во всех анализируемых сферах жизни. Статистическая надежность подобного разделения на группы и общая согласованность измерительной шкалы были дополнительно подтверждены серией математических тестов¹.

Цель статьи состоит в исследовании взаимосвязи между уровнем субъективного благополучия россиян и особенностями проявления их социальной субъектности. В такой логике предпринята попытка зафиксировать глубину субъективной автономии выделенных групп по уровню субъективного благополучия, в том числе с учетом их социально-демографического состава, особенностей реализации их представителями жизненных целей, специфики горизонта планирования и наиболее типичных проблем. Отдельное внимание сосредоточено на содержательном анализе качественных различий между профилями субъективного благополучия россиян и определении тех структурных барьеров, которые ассоциируются с ограничением возможностей граждан выступать активными субъектами своей жизни.

¹ Проверка значимости статистических различий между пятью выделенными группами по шкале Индекса СБ проводилась путем однофакторного дисперсионного анализа. Критерий равенства дисперсий Ливиня, основанный как на среднем, так и на медиане, превысил уровень значимости в 0,05, что позволило убедиться в корректности проведения дисперсионного анализа. Тест Анова показал, что между группами имеются значимые различия ($p \leq 0,01$), которые существенно превышают внутригрупповые различия $F = 4582,9$. То есть выделенные группы достаточно гомогенны внутри себя, но по отношению друг к другу значимо различаются. Внутренняя согласованность шкалы подтверждается высоким значением коэффициента альфа Кронбаха (0,905). Подробнее см.: Сушко, 2025.

Эмпирические профили субъективного благополучия россиян

Распределение населения по уровню субъективного благополучия, зафиксированное в октябре 2025 г., демонстрирует выраженную дифференциацию самооценок россиянами разных сфер жизни. Наиболее малочисленна группа с критически низкими оценками большинства показателей – она охватывает 3,5% россиян (табл. 1), что указывает на отсутствие среди населения массовой идентификации с социальными аутсайдерами. Вместе с тем данная пропорция отражает важную структурную особенность современного российского социума, дифференциация в котором проходит скорее по степени устойчивости благополучия, нежели по полярным осям неблагополучия и социальной успешности. Это согласуется с тезисами о том, что современная Россия представляет собой общество средних слоев, рассматриваемое как с объективной, так и субъективной точек зрения (Мареева, 2024). Несмотря на малочисленность группы субъективно неблагополучных, анализ ее профиля очень важен для понимания границ индивидуальной субъектности россиян в современных условиях.

Наиболее выраженная зона неудовлетворенности среди субъективно неблагополучных формируется вокруг базовых материальных ресурсов, каналов социальной мобильности и рекреации. Сюда относятся негативные оценки материального достатка, условий труда, профессиональной самореализации и доступа к образованию. В силу этих причин три четверти представителей данной группы оценивают и в целом свою жизнь как плохую. Другие аспекты жизни, оценки которых оказываются негативными более чем у половины состава этой группы, связаны с социальным статусом и витальными потребностями. В частности, это оценки респондентами собственного положения в обществе, уровня их личной безопасности, состояния здоровья, а также качества питания и возможности одеваться. Сравнительно менее критичные оценки указанных аспектов жизни могут объясняться тем, что витальные потребности и повседневное потребление в большей степени поддаются самостоятельному контролю со стороны человека, в отличие от ограничений на рынке труда или в сфере образования. Тем не менее преобладание негативных оценок указывает на то, что возможности компенсации различных негативных эффектов у данной категории россиян практически исчерпаны. В то же время рубежом, при котором среди субъективно неблагополучных начинают доминировать удовлетворительные оценки ситуации, становится локальный микромир и частная жизнь (жилищные условия, отношения в семье и место непосредственного проживания).

Наиболее массовый сегмент представлен группой неустойчивого благополучия, объединяющей 43,5% россиян. Профиль этой категории населения характеризуется высокой однородностью – абсолютное большинство ее представителей по всем анализируемым сферам жизни выбирает оценку «удовлетворительно». Подобная гомогенность структуры оценок свидетельствует о формировании массового стандарта восприятия повседневности, основанного на идее достаточной, но очень ограниченной нормы. Наиболее высокие уровни концентрации удовлетворительных оценок (в интервале 75–87%) в этой группе фиксируются в сферах, связанных с социальным статусом, работой, возможностями профессиональной самореализации и удовлетворением базовых материальных потребностей (питание, одежда, материальная обеспеченность). Схожим образом ее представителями оцениваются жилищные условия, доступ к образованию и состояние здоровья. Высокая плотность таких ответов подтверждает достижение базовой стабильности большинством этой группы, однако минимальная доля положительных оценок указывает на компенсаторный характер такой модели субъективного благополучия, не предполагающей ресурсов для дальнейшего качественного улучшения своего положения.

В сферах локального микромира (место жительства) и социальных связей (отношения в семье, возможности общения с друзьями) массовые удовлетворительные оценки дополняются сравнительно позитивным видением ситуации в них, что отражает их роль как ключевых внутренних опор. Тем не менее преобладающими для данной группы остаются удовлетворительные оценки, в том числе применительно к ситуации в жизни в целом. Стабильность этого массового слоя является ключевым элементом общей устойчивости социума, но фокус его представителей на удовлетворительных оценках свидетельствует об их высокой уязвимости перед лицом внешних шоков.

Таблица 1

Дифференциация россиян по уровню субъективного благополучия, ФНИСЦ РАН, 2025 г., %

Сферы жизни и шкала их оценки		Неблагополучие	Неустойчивое благополучие	Благополучие	Устойчивое благополучие	Социальная успешность	Всего
Материально обеспечены	Хорошо	–	2,0	14,3	42,2	77,8	25,9
	Удовлетворительно	7,2	78,0	80,6	57,0	22,3	61,2
	Плохо	92,8	20,0	5,1	0,9	–	12,9
Питае­тесь	Хорошо	1,4	11,2	44,8	74,7	95,5	44,0
	Удовлетворительно	42,0	85,5	55,2	25,3	4,5	52,6
	Плохо	56,5	3,3	–	–	–	3,4
Оде­вае­тесь	Хорошо	–	7,9	34,9	64,2	93,5	38,8
	Удовлетворительно	40,6	86,9	64,8	35,8	6,5	56,8
	Плохо	59,4	5,2	0,3	–	–	4,4
Состояние здоровья	Хорошо	4,3	9,7	36,2	55,6	77,8	35,2
	Удовлетворительно	33,3	76,1	58,1	43,0	21,7	55,2
	Плохо	62,3	14,3	5,7	1,5	0,5	9,6
Жилищные условия	Хорошо	1,4	14,3	54,1	75,3	92,8	46,4
	Удовлетворительно	53,6	77,9	43,9	24,1	7,0	48,2
	Плохо	44,9	7,7	1,9	0,6	0,2	5,4
Отношения в семье	Хорошо	10,1	31,6	72,3	78,1	98,0	58,6
	Удовлетворительно	53,6	65,2	26,1	21,6	2,0	38,4
	Плохо	36,2	3,2	1,6	0,3	–	3,0
Возможности проведения досуга	Хорошо	–	6,3	26,0	49,7	83,5	32,2
	Удовлетворительно	11,8	72,7	70,8	48,8	16,5	54,9
	Плохо	88,2	21,0	3,2	1,5	–	12,9
Ситуация на работе	Хорошо	–	3,4	22,7	42,6	81,0	29,4
	Удовлетворительно	13,6	81,8	72,2	56,5	18,2	60,3
	Плохо	86,4	14,8	5,1	0,9	0,8	10,3
Возможность отдыха в период отпуска	Хорошо	–	3,3	20,1	34,3	74,4	26,0
	Удовлетворительно	7,7	65,1	67,2	61,4	24,8	54,5
	Плохо	92,3	31,6	12,6	4,3	0,8	19,6

Окончание табл. 1

Сферы жизни и шкала их оценки		Неблагополучие	Неустойчивое благополучие	Благополучие	Устойчивое благополучие	Социальная успешность	Всего
Возможность общения с друзьями	Хорошо	11,6	24,5	60,7	72,3	94,3	52,0
	Удовлетворительно	44,9	65,7	39,0	27,4	5,7	42,2
	Плохо	43,5	9,8	0,3	0,3	–	5,9
Возможность реализовать себя в профессии	Хорошо	–	4,0	26,8	47,1	81,5	31,0
	Удовлетворительно	16,1	75,0	67,9	50,8	17,7	55,9
	Плохо	83,9	21,0	5,3	2,2	0,8	13,1
Возможность получения необходимого образования и знаний	Хорошо	–	4,4	29,6	43,6	83,1	31,3
	Удовлетворительно	23,1	77,5	66,1	54,6	16,7	57,3
	Плохо	76,9	18,1	4,2	1,8	0,3	11,4
Место, в котором Вы живете (город, поселок, село)	Хорошо	5,8	21,1	44,8	61,0	83,5	43,7
	Удовлетворительно	50,7	69,9	53,7	38,4	16,5	50,5
	Плохо	43,5	9,1	1,6	0,6	–	5,8
Ваше положение, статус в обществе	Хорошо	–	4,1	18,4	39,5	77,6	27,1
	Удовлетворительно	31,9	87,5	79,4	59,3	22,2	66,3
	Плохо	68,1	8,4	2,2	1,2	0,2	6,6
Уровень личной безопасности	Хорошо	–	7,7	18,2	32,8	71,8	26,3
	Удовлетворительно	33,3	74,2	70,4	63,7	28,2	61,1
	Плохо	66,7	18,1	11,5	3,5	–	12,6
Жизнь в целом	Хорошо	–	2,6	20,0	57,6	92,8	32,8
	Удовлетворительно	24,6	93,0	79,7	41,9	7,2	62,5
	Плохо	75,4	4,4	0,3	0,6	–	4,7
Всего		3,5	43,5	15,8	17,2	20,1	100

Источник: рассчитано автором по данным ФНИСЦ РАН.

Примечание: Серым фоном в таблице выделены показатели, превышающие средневзвешенные значения не менее чем на величину статистической погрешности в 5%, жирным шрифтом – показатели, охватывающие свыше половины состава соответствующей группы.

Три следующие группы (от благополучия до социальной успешности) суммарно охватывают 53,1% российского населения и фиксируют последовательное увеличение позитивных самооценок. Главное сходство между ними и в то же время ключевое отличие от категорий субъективного неблагополучия и неустойчивого благополучия заключается в преодолении ощущения критического дефицита. В частности, доля оценок «плохо» во всех трех группах минимальна.

В то же время между этими группами наблюдается отчетливая дифференциация. Большинство россиян из благополучной группы оценивают на «удовлетворительно» собственную материальную обеспеченность, качество питания, возможность одеваться и ситуацию на работе, что сближает ее с массовым слоем неустойчивого благополучия. Качественное отличие проявляется в доминировании положительных оценок семейных отношений, общения с друзьями и жилищных условий. И хотя ситуацию в жизни в целом эта срединная группа воспринимает как удовлетворительную, ее профиль задается фиксацией положительных оценок в отношении базовых опор – семьи и ближайших связей.

В свою очередь, группа устойчивого благополучия демонстрирует расширение диапазона позитивных оценок («хорошо») применительно к качеству питания, возможности одеваться, жилищным условиям и состоянию здоровья. Отношения в семье и место проживания также большинством в этой категории оцениваются наилучшим образом. При этом положение дел в сферах, сопряженных с социальной интеграцией (профессиональная реализация, статус в обществе, ситуация на работе), все еще оценивается большей частью представителей этой группы на «удовлетворительно». В данном случае отсутствие базового дефицита и наличие устойчивых внутренних опор сопровождаются и сравнительным улучшением оценок ситуации в жизни в целом.

Специфика профиля группы социальной успешности состоит в доминировании оценок «хорошо» во всех рассматриваемых сферах повседневной жизни. В отличие от остальных групп, среди ее представителей фиксируются высокие показатели удовлетворенности условиями труда, социального продвижения и материального достатка. Соответственно, абсолютное большинство ее представителей дают позитивную оценку своей жизни в целом. Такая структура восприятия может отражать максимальные возможности адаптации к меняющимся условиям, когда объем доступных ресурсов выступает основой для проявления субъектности.

Таким образом, наибольшей дифференцирующей силой обладают самооценки материальной обеспеченности, возможностей для самореализации и рекреации (рынок труда, доход, отпуск), тогда как к универсальным социальным опорам относятся отношения в семье и близком кругу – первичный социальный капитал, по П. Бурдье (2002). Это позволяет предположить иерархичную структуру индивидуальной социальной субъектности россиян. Так, базовым для осознания собственной субъектности может выступать включенность индивида в микросоциум, которая выполняет роль универсальной социальной опоры.

В то же время масштаб и практическое воплощение потенциала социальной субъектности варьируется в зависимости от имеющихся у индивида материальных и нематериальных возможностей. Стабилизация материального положения и структуры базового потребления может обеспечивать независимость, необходимую для удовлетворительной оценки собственной жизни и, вероятно, усиления контроля над внешними обстоятельствами, под которые в условиях рутинного выживания постоянно приходится подстраиваться. При этом доступ к нематериальным ресурсам, даже в субъективном выражении (будь то профессиональная самореализация, образование или качественная рекреация), вероятно, переводит субъектность в проактивную форму, расширяя возможности человека не только по адаптации к социальной реальности, но и по преобразованию ее условий под свои цели.

Для дальнейшей верификации обнаруженных закономерностей сопоставим рассмотренные профили субъективного благополучия с объективными социально-демографическими характеристиками россиян.

Стратификационные профили и социально-демографические маркеры субъективного благополучия

Результаты опроса 2025 г. показывают, что различные модели субъективного благополучия сопряжены с позицией индивида в ключевых стратификационных моделях (доходной, поселенческой, возрастной, профессиональной, образовательной). Синергетический эффект сравнитель-

но высоких позиций в различных объективных иерархиях наиболее выражен применительно к профилям социальной успешности и устойчивого благополучия (табл. 2). В группе социально успешных сравнительно чаще встречаются представители высокодоходных слоев, предприниматели, специалисты с высшим образованием и жители крупных региональных центров (33,2% против 25,5% в группе с неустойчивым благополучием и 18,8% среди субъективно неблагополучных). Примечательно, что высокое субъективное благополучие здесь сопряжено с ранней зрелостью (18–24 года), что может указывать на «авансированный» оптимизм в молодежной среде. По мере перехода на последующие этапы жизненного цикла (особенно к 36–44 годам) повышается вероятность перехода индивида к профилю устойчивого благополучия, где акцент переносится на закрепление достигнутых позиций и стабилизацию жизненного уклада.

Более детальный анализ внутренней структуры благополучных групп демонстрирует, что хотя вероятность быть субъективно успешным существенно выше у наиболее обеспеченных, образованных и квалифицированных россиян, эта закономерность соблюдается далеко не всегда. Среди социально успешных свыше 40% имеют доходы не выше медианных, а каждый шестой (16,7%) находится в зоне явного материального дефицита (доходы до 0,75 медианы). Кроме того, свыше половины представителей этой группы не имеют высшего образования, а 21,7% не работали на момент опроса. Это может указывать на автономию ценностных ориентаций личности, способных удерживать стабильно высокую оценку качества жизни вопреки ситуативным материальным дефицитам (Ядов, 2013). Наиболее ярко это проявляется в контексте особенностей конструирования жизненных стратегий молодежью, когда отсутствие у них работы или диплома воспринимается не как депривация или маркер аутсайдерской позиции, а как этап гибкого маневрирования и накопления потенциала, связанного с достижением желаемого образа будущего (Зубок, 2020). В данном случае высокий уровень благополучия выступает не отражением текущего статуса, а субъективно конструируемой проекцией будущего, замещающей дефициты настоящего.

Анализ выявленных парадоксов позволяет заключить, что верхний полюс субъективного благополучия оказывается неоднороден, и его устойчивость обеспечивается двумя альтернативными механизмами. С одной стороны, для наиболее «ресурсного» ядра этой группы работает эффект композитных рент (Sorensen, 2000), когда объективно высокая позиция в одной иерархии сопряжена с сопутствующими преимуществами в смежных сферах. С другой стороны, для значительной части этой группы, не обладающей высокими позициями в различных объективных стратификационных моделях, субъективное благополучие имеет принципиально иную природу, выступая следствием специфической ценностной диспозиции и проекцией ожидаемых достижений.

Наряду с этим в группах неустойчивого благополучия и неблагополучия низкие статусные позиции сопряжены с доминированием соответствующих оценок положения дел в ключевых сферах жизни. Среди россиян с неустойчивым субъективным благополучием сравнительно чаще встречаются лица с низкими доходами, безработные или занятые в сфере услуг (см. табл. 2). Фактором риска выступает и старший возраст, по мере увеличения которого повышается вероятность фиксации негативных оценок собственной жизни. Главным же ресурсом субъективной стабильности в сравнительно неблагополучных группах, как было отмечено, остаются неформальные родственные и дружеские связи.

Как и в случае с наиболее благополучными группами, на противоположном полюсе фиксируется парадокс, когда почти треть россиян (31,0%) из сегмента неустойчивого благополучия имеют высшее образование, среднедушевой доход каждого пятого составляет свыше 1,25 медианы, а 13,8% заняты высококвалифицированным трудом. Такой разрыв может указывать на латентный кризис конвертации ресурсов и классическую статусную неконсистентность позиций индивидов в ключевых стратификационных иерархиях. Разбалансировка статусных позиций в таких случаях выступает барьером для роста субъективного благополучия. Так, относительно высокий доход части представителей этих групп может достигаться на непрестижных или прекаризованных профессиональных позициях, не принося ожидаемой удовлетворенности качеством жизни. Зеркально этому высокая квалификация специалистов из субъективно уязвимых слоев в силу различных барьеров не трансформируется в экономическую стабильность. В этом случае сформированная образованием высокая планка притязаний вступает в конфликт с социальной реальностью, порождая феномен субъективной депривации.

Таблица 2

**Социально-демографические особенности групп россиян
с разным уровнем субъективного благополучия, ФНИСЦ РАН, 2025 г., %**

Социально-демографические характеристики	Неблагополучие	Неустойчивое благополучие	Благополучие	Устойчивое благополучие	Социальная успешность	Всего
Уровень среднемесячного дохода на каждого члена семьи						
До 0,75 медианы включительно	70,5 (+++)	44,0 (+++)	31,6	17,0 (----)	16,7 (----)	32,7
От 0,75 до 1,25 медианы включительно	21,3	34,8	41,7 (+)	33,8	26,8 (–)	33,6
От 1,25 до 2 медиан включительно	6,6 (–)	17,0 (----)	19,8	36,7 (+++)	31,0 (++)	23,3
Свыше 2 медиан	1,6 (–)	4,2 (----)	6,9	12,5	25,5 (+++)	10,4
Хи-квадрат Пирсона	$\chi^2 = 295,837, df = 12, p < 0,001$					
V Крамера	0,234					
Возраст						
18–24 года	2,9	4,9 (–)	5,1	8,7	16,2 (+++)	7,8
25–29 лет	1,4	7,4	7,6	9,0	9,2	7,9
30–35 лет	2,9	10,1	8,6	9,3	14,2 (+)	10,4
36–44 года	10,1 (–)	21,1	28,3	31,4 (++)	24,2	24,2
45–54 года	20,3	19,2	20,0	20,9	20,2	19,9
55–65 лет	20,3	14,3	14,3	13,4	10,2	13,5
66 лет и старше	42,0 (+++)	23,0 (+++)	16,2	7,3 (----)	5,7 (----)	16,4
Хи-квадрат Пирсона	$\chi^2 = 188,357, df = 24, p < 0,001$					
V Крамера	0,154					
Профессиональный статус						
Предприниматели и самозанятые	2,9	1,5 (–)	3,2	3,5	6,7 (+++)	3,3
Руководители разных уровней	1,4	2,4	1,9	4,9 (+)	3,5	3,0
Специалисты на должностях, предполагающих в/о	4,3 (–)	13,8 (–)	20,3	22,1	24,2 (++)	18,0
Служащие на должностях, не требующих в/о	1,4 (–)	10,0	10,8	13,4	11,2	10,7
Рядовые работники торговли или сферы бытового обслуживания	5,8	14,5 (++)	12,1	7,8 (–)	8,5	11,5
Рабочие от 5-го разряда	4,3	6,2 (–)	9,8	14,0 (+++)	8,7	8,6
Рабочие 1–4-го разряда и без разряда	7,2	17,3	12,4	12,8	15,5	15,0
В настоящее время не работают	72,5 (+++)	34,3 (+)	29,5	21,5 (–)	21,7 (–)	30,1
Хи-квадрат Пирсона	$\chi^2 = 175,513, df = 28, p < 0,001$					
V Крамера	0,148					

Окончание табл. 2

Социально-демографические характеристики	Неблагополучие	Неустойчивое благополучие	Благополучие	Устойчивое благополучие	Социальная успешность	Всего
<i>Уровень образования</i>						
Без профессионального образования	36,2 (++)	16,8	18,4	13,1	14,0	16,6
Среднее специальное или неоконченное высшее	37,7	55,7 (++)	48,3	47,7	45,1	50,4
Высшее, два высших и др. (в том числе ученая степень)	26,1	27,5 (—)	33,3	39,2 (+)	40,9 (++)	33,1
<i>Хи-квадрат Пирсона</i>	$\chi^2 = 51,610, df = 8, p < 0,001$					
<i>V Крамера</i>	0,114					
<i>Всего</i>	3,5	43,5	15,8	17,2	20,1	100,0

Источник: рассчитано автором по данным ФНИСЦ РАН.

Примечание: В таблице фоном и знаками «+» / «–» отмечены ячейки, стандартизованные остатки которых значимы на уровне: ($\pm$) $p < 0,05$; ($\pm\pm$) $p < 0,01$; ($\pm\pm\pm$) $p < 0,001$. Приведенная разметка показателей указывает на наличие неслучайной связи уровня субъективного благополучия с рассматриваемыми социально-демографическими признаками, верифицированной методом анализа стандартизованных остатков (критическое значение – 1,96; $p < 0,05$). Знак «+» маркирует ячейки, в которых численность группы значительно превышает математически ожидаемую (эффект «притяжения» признаков), а знак «–» фиксирует статистически значимый дефицит представленности группы относительно среднего уровня по выборке.

Нейтральность по отношению к большинству статусных фильтров обнаруживается в срединной группе благополучия. За исключением умеренного ее представительства в среднедоходном слое, данная категория не имеет выраженных перекосов по возрасту, квалификации или профессии. Фундаментом субъективного благополучия здесь выступает связка первичного социального капитала и прочного экономического минимума. Особенности возрастного состава этой группы позволяют переосмыслить благополучие как динамический транзитный сегмент, который аккумулирует представителей старших возрастов и выполняет буферную функцию. Для молодежи это промежуточная точка стабильности, которую амбициозные субъекты стремятся пройти транзитом, двигаясь к социальной успешности (молодежь в составе этой группы относительно немногочисленна). Для пожилых же людей этот профиль становится «стабильной пристанью», позволяющей, в отличие от сверстников из зон неблагополучия и неустойчивого благополучия, удерживать баланс объективного и субъективного за счет базового материального достатка и сетей родственной поддержки.

В целом субъективное благополучие россиян взаимосвязано с их объективными характеристиками, но может предопределяться сложным сочетанием иных факторов (ценностной ориентации, неформальных сетей или статусного рассогласования), детальное рассмотрение которых остается за рамками данного исследования. В контексте предмета нашего анализа важно скорее то, что профили субъективного благополучия россиян не оторваны от реальности, а дифференцированная связь с объективными маркерами демонстрирует, что граждане в своих оценках опираются на свои реальные достижения. Это проявляется и в том, что по мере перехода к наиболее благополучным группам спектр позитивных оценок ситуации в разных сферах жизни расширяется последовательно, охватывая сначала первичный социальный капитал, затем базовый материальный достаток, а в наиболее успешных группах – широкий ряд образовательных, профессиональных и рекреационных возможностей. В этой связи для полноты картины необходимо перейти к деятельностному аспекту, отражающему трансформацию горизонтов планирования россиян, степень реализации их целей и ключевые барьеры на этом пути.

Взаимосвязь профилей субъективного благополучия россиян с деятельными проявлениями их социальной субъектности

Результаты сопоставления уровня субъективного благополучия с количеством реализованных россиянами за последние три года целей демонстрируют качественные различия в их жизненных стратегиях. В группах с низким уровнем субъективного благополучия концентрируется наивысшая доля тех, чьи планы не были реализованы, а шансы на одновременное достижение нескольких целей минимальны. В срединной группе нормой выступают точечные достижения, тогда как комплексный успех значимо чаще фиксируется среди представителей устойчиво благополучных и социально успешных групп (рис. 1), для которых риски срыва планов минимальны.

Рис. 1. Распределение респондентов с разным уровнем субъективного благополучия по количеству реализованных жизненных планов, ФНИСЦ РАН, 2025 г., %

Источник: рассчитано автором по данным ФНИСЦ РАН.

Примечание: Хи-квадрат Пирсона (χ^2) = 351,004; df = 16, $p < 0,001$; V Крамера = 0,210. Значения ниже 2% на рисунке не указаны.

Результативность жизненных стратегий россиян сопряжена с их горизонтами планирования. Абсолютное большинство субъективно неблагополучных и более половины представителей сегмента неустойчивого благополучия не строят планы даже на год вперед, переходя к режиму, где целенаправленное конструирование будущего подменяется ситуативным реагированием на возникающие внешние обстоятельства (Тихонова, 2019). При этом способность переходить от вынужденного реагирования к краткосрочному целеполаганию может указывать на качественный рост субъектности по мере движения к благополучным группам. Так, профиль срединной группы знаменует точку перехода, где преобладающим становится краткосрочное планирование на один-два года (табл. 3). Представители устойчиво благополучных и социально успешных групп сравнительно чаще проектируют собственное будущее на среднесрочную перспективу (3–5 лет), сочетая целеполагание с готовностью оперативно корректировать свои действия по ситуации. Вместе с тем от четверти до трети из них в современных условиях предпочитают жить в режиме ситуативного реагирования.

С одной стороны, преобладание краткосрочных и среднесрочных горизонтов у экономически и социально активных граждан отражает общемировые тенденции, где долгосрочное планирование уступает место гибким стратегиям (Бек, 2000). С другой стороны, отказ от долгосрочных планов даже в наиболее благополучных группах свидетельствует о доминирующем влиянии средовой неопределенности, блокирующей формирование долгосрочных жизненных стратегий (Тощенко, 2020). В результате темпоральная субъектность даже наиболее благополучных слоев в российском обществе носит тактический характер, поскольку ориентирована на контроль текущих обстоятельств, оставаясь чувствительной к внешним изменениям.

Таблица 3

**Горизонт планирования и реализованные планы
с разным уровнем субъективного благополучия, 2025 г., %**

Горизонт планирования и реализованные планы	Неблагополучие	Неустойчивое благополучие	Благополучие	Устойчивое благополучие	Социальная успешность	Всего
<i>Планируете ли Вы свою жизнь, и если да, то на какой период? *</i>						
Нет, так как в нашей жизни невозможно что-то планировать даже на год вперед	84,8	53,5	42,9	35,9	26,7	44,3
Планирую на ближайшие 1–2 года	13,6	33,6	41,0	42,3	44,9	37,9
Планирую на ближайшие 3–5 лет и затем просто корректирую планы	–	10,4	13,5	18,4	24,2	14,7
Планирую свою жизнь не меньше чем на 5–10 лет вперед и потом корректирую свои планы	1,5	2,5	2,6	3,5	4,2	3,0
<i>Удалось ли Вам за последние 3 года?</i>						
Повысить уровень образования и/или квалификации	–	3,1	12,4	18,9	14,7	9,5
Получить повышение на работе или найти новую, более подходящую работу	–	4,4	11,1	10,5	15,5	8,6
Побывать в другой стране мира	–	3,6	6,7	14,2	16,2	8,3
Сделать дорогостоящие приобретения (купить дачу, автомобиль и т.п.)	2,9	3,1	4,4	7,0	13,7	6,1
Улучшить жилищные условия за счет покупки жилья	2,9	2,0	2,2	5,2	9,0	4,0
Улучшить жилищные условия за счет строительства собственного дома	–	0,7	3,8	2,3	5,7	2,5
Улучшить жилищные условия за счет получения наследства	2,9	1,2	2,5	2,3	2,2	1,9
Открыть собственное дело	–	0,7	0,3	0,3	3,2	1,1
Улучшить жилищные условия за счет получения жилья от государства или предприятия	–	0,5	1,0	1,2	1,0	0,8
Ничего из перечисленного реализовать не удалось, хотя планировал(а)	34,8	33,8	24,1	20,6	9,7	25,2
Ничего из перечисленного реализовать не планировал(а)	59,4	47,1	35,9	29,7	27,2	38,7

Источник: рассчитано автором по данным ФНИСЦ РАН.

Примечание: Жирным шрифтом в таблице выделены показатели, превышающие средневзвешенные более чем на величину статистической погрешности в 3–5%. В строке со звездочкой (*) приводится Хи-квадрат Пирсона (χ^2) = 148,395; df = 12; p < 0,001; V Крамера = 0,158.

Содержательная структура реализованных жизненных целей на этом фоне отражает то, как расширение горизонтов планирования способно трансформировать жизненные практики россиян от реактивных к накопительным. При низком уровне субъективного благополучия значимые достижения практически отсутствуют, что указывает на компенсаторный характер предпринимаемых представителями этой группы действий. По мере стабилизации самооценок среди представителей срединной группы благополучия возрастает представленность целей, связанных с накоплением человеческого потенциала – получением образования, повышением квалификации, сменой работы на более подходящую. Таким образом, вместе с увеличением горизонта планирования возрастает и результативность жизненных стратегий применительно к более широкому кругу целей.

Проведенный анализ был бы неполным без рассмотрения жизненных трудностей, которые в той или иной степени встречаются у россиян с разным уровнем субъективного благополучия. Данные о наиболее распространенных проблемах демонстрируют закономерное снижение общего уровня уязвимости по мере роста субъективного благополучия. Представители наименее благополучных групп чаще упоминают сразу несколько одновременно присутствующих в их жизни трудностей, а наиболее благополучные россияне сравнительно чаще декларируют полное отсутствие в их жизни серьезных проблем (рис. 2).

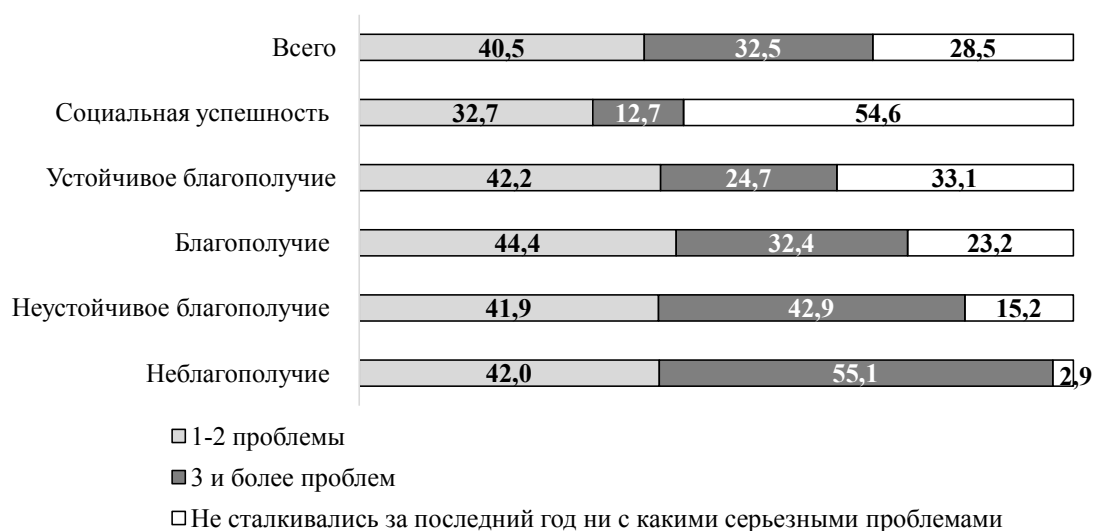

Рис. 2. Распределение россиян с разным уровнем субъективного благополучия по количеству переживаемых жизненных трудностей, ФНИСЦ РАН, 2025 г., %

Источник: рассчитано автором по данным ФНИСЦ РАН.

Примечание: Хи-квадрат Пирсона (χ^2) = 281,906; df = 8, $p < 0,001$; V Крамера = 0,266.

Тем не менее содержательный анализ структуры этих трудностей показывает, что более благополучные слои не избавлены от них полностью, но их природа носит иной характер по сравнению с менее благополучными группами. В частности, по мере снижения уровня субъективного благополучия на первый план выходят проблемы с обеспечением базовых материальных и витальных потребностей (материальное положение, питание, здоровье, доступ к медицинской помощи), а также дефицит первичного социального капитала, выражающийся в ухудшении отношений в семье (табл. 4).

Эти распределения еще раз подтверждают, что уровень субъективного благополучия повышается по мере восполнения дефицитов в витальной и материальной сферах, однако одновременно они указывают на кризис микросоциальной среды в двух наименее благополучных группах. Ранее отмечалось, что субъектность представителей групп субъективного неблагополучия и неустойчивого благополучия с высокой вероятностью зиждется на ресурсе поддержки их близкого круга, но данные о распространенности в этих группах семейных проблем демонстрируют, что и эта первичная опора для многих из них оказывается подорвана. В меньшей степени семейные проблемы характерны для срединной группы благополучия и группы устойчивого благополучия, но и среди них практически каждый пятый говорит о наличии конфликтов в семье. Семейные неурядицы становятся редким исключением только для россиян с очень высоким уровнем субъективного благополучия, тогда как в остальных сегментах они формируют проблемный фон, выступая барьером для эффективных жизненных стратегий.

Таблица 4
Распространенность проблем среди россиян с разным уровнем субъективного благополучия, ФНИСЦ РАН, 2025 г., %

Перечень проблем	Неблагополучие	Неустойчивое благополучие	Благополучие	Устойчивое благополучие	Социальная успешность	Всего
Проблемы, связанные с Вашим здоровьем или здоровьем других членов семьи	39,1	39,1	25,4	28,2	15,7	30,4
Отсутствие времени на то, чтобы «в удовольствие» заняться тем, чем хотелось бы	7,2	22,1	22,9	25,9	16,5	21,2
Семейные проблемы	27,5	26,7	19,7	19,2	8,7	20,7
Отсутствие времени, чтобы успеть сделать все необходимые повседневные дела	2,9	19,0	26,0	21,5	16,0	19,4
Проблемы с возможностью получить необходимую медицинскую помощь	33,3	25,1	19,0	12,5	5,5	18,3
Плохое материальное положение	47,8	26,5	12,1	7,8	3,7	17,2
Проблемы, связанные с работой	26,1	20,6	20,0	9,0	10,5	16,7
Отсутствие социальных гарантий на случай старости, безработицы, инвалидности	26,1	14,5	14,3	5,8	2,7	11,0
Проблемы с детьми	14,5	12,0	14,6	10,2	4,2	10,6
Вредные привычки (алкоголизм, наркомания и т.п.) у кого-либо из членов семьи	15,9	6,8	6,7	8,1	2,2	6,4
Проблемы с жильем	15,9	8,9	3,8	3,2	2,0	6,0
Одиночество и/или отсутствие возможности общения с родственниками и друзьями	13,0	6,8	6,3	5,2	1,5	5,6
Последствия терактов, обстрелов и др. со стороны ВСУ, которые затронули Вас или Ваших близких	4,3	6,8	6,7	3,2	3,2	5,4
Плохое питание	36,2	6,7	1,9	1,7	1,5	5,1
Проблемы с одеждой или обувью	11,6	5,3	2,9	1,2	0,2	3,4
Незащищенность от насилия	4,3	4,3	1	0,3	0,5	2,3
Проблемы с возможностью получить образование	1,4	2,5	0,6	2,9	–	1,8
Считают, что живут нормально и не сталкивались за последний год ни с какими проблемами	2,9	16,6	24,8	34,0	56,6	28,4

Источник: рассчитано автором по данным ФНИСЦ РАН.

Примечание: Жирным шрифтом в таблице выделены показатели, превышающие средненывыборочные более чем на величину статистической погрешности в 3–5%.

В целом же у граждан с высоким уровнем субъективного благополучия фокус повседневных проблем смещается в сторону нематериальных факторов. Отчасти этим могут объясняться случаи недостижения поставленных целей, которые ранее также были зафиксированы в данных группах. В частности, чем выше уровень субъективного благополучия, тем чаще встречается дефицит времени, упоминаемый в тройке главных повседневных проблем представителями трех наиболее благополучных групп. Таким образом, если уязвимые слои преимущественно сталкиваются с внешними и внутренними барьерами, способными блокировать саму возможность проактивного действия, то для субъективно благополучных групп главным препятствием становится дисбаланс между количеством жизненных целей и физическими границами суточного времени.

Заключение

Дифференцированные профили субъективного благополучия россиян выступают надежной эмпирической основой для изучения различных проявлений их социальной субъектности. Рассмотренные социально-демографические характеристики выделенных групп вкупе со спецификой реализованных ими целей и наиболее распространенных среди них повседневных проблем позволяют предположить существование тесной взаимосвязи между уровнем субъективного благополучия и индивидуальной субъектностью.

Причем верхний полюс субъективного благополучия оказывается неоднородным по своей природе. Для одной части этой группы характерен эффект композитных рент, когда объективно высокая статусная позиция в одной иерархии сопровождается соответствующими самооценками разных сфер жизни. Однако для значительной доли субъективно благополучных граждан высокие оценки являются не констатацией текущего материального достатка или другой высокой позиции в объективной иерархии, а скорее проекцией конструируемого будущего и, вероятно, следствием проактивного целеполагания.

Содержательная структура реализованных целей и сопутствующих проблем выступает важным маркером, стратифицирующим профили субъективного благополучия россиян по уровню их деятельностной активности. В группах с низкими самооценками ситуации в разных сферах жизни нерешенные повседневные проблемы могут блокировать развитие индивидуальной субъектности, в том числе сужая целеполагание до тактического выживания и преодоления базовых дефицитов. Напротив, по мере перехода к субъективно благополучным группам характер проблем меняется, а фокус целей закономерно смещается от поддержания текущего статуса в сторону самореализации. Подобная трансформация деятельностного фона наглядно проявляется и в последовательном расширении спектра позитивных оценок ситуации в разных сферах жизни. Первоначально «хорошие» оценки охватывают сферу первичного социального капитала, затем зону базового материального достатка и в итоге переходят на образовательные, профессиональные и рекреационные возможности. Такая последовательность преодоления барьеров позволяет выдвинуть обоснованное предположение о существовании сложной гипотетической структуры социальной субъектности, элементы которой разворачиваются поэтапно. Базовым фундаментом в такой конфигурации может выступать признание индивида в рамках микросоциума, которое выполняет роль универсальной социальной опоры. Последующая стабилизация материального положения и потребления обеспечивает необходимую ресурсную автономию. В свою очередь, доступ к нематериальным ресурсам и качественной рекреации может создавать условия для проявления субъектности в более выраженной проактивной форме.

Выявленные закономерности свидетельствуют о том, что удлинение горизонтов планирования по мере роста субъективного благополучия выступает важнейшим драйвером и деятельностным проявлением социальной субъектности. Это обеспечивает последовательный переход индивида от вынужденной ситуативной адаптации к эффективному проектированию собственной жизненной стратегии. В целом очерченные эмпирические контуры отражают сложную и иерархичную природу социальной субъектности. Учитывая представленные эмпирические данные и концептуальные теоретические предпосылки, полученные результаты дают веские основания для последующей разработки и прямой операционализации комплексной структурной модели социальной субъектности в рамках будущих исследований.

Литература / References

- Алмакаева А.М., Настина Е.А., Догузов А.В. (2025). Динамика счастья и удовлетворенности жизнью в условиях экзогенных шоков. *Социологический журнал* **31**(2), 29–50. [Almakaeva, A., Nastina, E., Doguzov, A. (2025). Dynamics of happiness and life satisfaction under conditions of exogenous shocks. *Sociological Journal* **31**(2), 29–50 (in Russian)]. EDN: MPMQGO
- Бауман З. (2008). *Текущая современность*. М.: Питер. [Bauman, Z. (2008). *Liquid Modernity*. Moscow: Piter Publ. (in Russian)].
- Бек У. (2000). *Общество риска. На пути к новому модерну*. М.: Прогресс-Традиция. [Beck, U. (2000). *Risk Society. Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Traditsiya Publ. (in Russian)].
- Бурдьё П. (2002). Формы капитала. *Экономическая социология* **3**(5), 60–74. [Bourdieu, P. (2002). Forms of capital. *Journal of Economic Sociology* **3**(5), 60–74 (in Russian)]. EDN: OYUVRD
- Гидденс Э. (2005). *Устройство общества: Очерк теории структуризации*. М.: Академический проект. [Giddens, A. (2005). *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Moscow: Akademicheskiiy proekt Publ. (in Russian)].
- Горшков М.К., Седова Н.Н. (2015). «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты. *Социологические исследования* (12), 4–16. [Gorshkov, M., Sedova, N. (2015). “Self-sufficient” Russians and their life priorities. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (12), 4–16 (in Russian)]. EDN: VGMFJB
- Горшков М.К., Тихонова Н.Е. (отв. ред.). (2025). *Российское общество и вызовы времени. Книга восьмая*. М.: Весь Мир. [Gorshkov, M., Tikhonova, N. (eds.). (2025). *Russian Society and the Challenges of the Time. Book 8*. Moscow: Ves mir Publ. (in Russian)].
- Зубок Ю.А. (2020). Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены* **3**, 4–12. [Zubok, Yu. (2020). Youth: Life strategies in a new reality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes* **3**, 4–12 (in Russian)]. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1688
- Латова Н.В. (2017). Динамика и факторы удовлетворенности жизнью россиян (1997–2017). *Социологические исследования* (12), 65–78. [Latova, N. (2017). Dynamics and factors of life satisfaction of Russians (1997–2017). *Sotsiologicheskie issledovaniya* (12), 65–78 (in Russian)]. EDN: ZWLWEF
- Мареева С.В. (2024). Неравенство в российском обществе в монетарном и немонетарном измерении: динамика последнего десятилетия. *Социологические исследования* (9), 3–16. [Mareeva, S. (2024). Monetary and non-monetary inequalities in modern Russian society: Dynamics of the recent decade. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (9), 3–16 (in Russian)]. EDN: QXFCVB
- Парсонс Т. (2002). *О социальных системах*. М.: Академический проект. [Parsons, T. (2002). *On Social Systems*. Moscow: Akademicheskiiy proekt Publ. (in Russian)].
- Сен А. (2004). *Развитие как свобода*. М.: Новое Издательство. [Sen, A. (2004). *Development as Freedom*. Moscow: Novoe Izdatelstvo Publ. (in Russian)].
- Сушко П.Е. (2023). Динамика субъективного социального благополучия россиян (2003–2023). *Социологические исследования* (12), 59–71. [Sushko, P. (2023). Dynamics of indicators of subjective social well-being of Russians (2003–2023). *Sotsiologicheskie issledovaniya* (12), 59–71 (in Russian)]. EDN: CHZYGR
- Сушко П.Е. (2025). Структура массовых слоев российского населения по уровню субъективного благополучия. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз* **18**(4), 143–163. [Sushko, P. (2025). Structure of the mass strata of the Russian population by level of subjective well-being. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* **18**(4), 143–163 (in Russian)]. EDN: RPFWJE
- Тихонова Н.Е. (2019). «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России. *Социологический журнал* **25**(1), 27–47. [Tikhonova, N. (2019). “Negative stabilization” and factors of population welfare dynamics in post-crisis Russia. *Sociological Journal* **25**(1), 27–47 (in Russian)]. EDN: YETRTV

- Тощенко Ж.Т. (2020). *Общество травмы: между эволюцией и революцией*. М.: Весь Мир. [Toshchenko, Zh. (2020). *Trauma Society: between Evolution and Revolution*. Moscow: Ves mir Publ. (in Russian)]. EDN: QLXXDD
- Ядов В.А. (ред.) (2013). *Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция*. М.: ЦСПиМ. [Yadov, V. (ed.) (2013). *Self-Regulation and Forecasting of Social Behavior of Individual: Dispositional Concept*. 2nd ed. Moscow: TsSPiM – Center for Social Forecasting and Marketing (in Russian)]. EDN: SWYNQU
- Alkire, S. (2002). Dimensions of human development. *World Development* **30**(2), 181–205. DOI: 10.1016/S0305-750X(01)00109-7
- Alkire, S. (2005). Subjective quantitative studies of human agency. *Social Indicators Research* **74**(1), 217–260. DOI: 10.1007/s11205-005-6525-0
- Bandura, A. (1997). *Self-Efficacy: The Exercise of Control*. N.Y.: W.H. Freeman.
- Crocker, D. (2008). *Ethics of global development: Agency, capability, and deliberative democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Diener, E., Suh, E., Lucas, R., Smith, H. (1999). Subjective well-being: Three decades of progress. *Psychological Bulletin* **125**(2), 276–302. DOI: 10.1037/0033-2909.125.2.276
- Easterlin, R. (1974). Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. In: David, P., Reder, M. (eds.) *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz* (pp. 89–125). N.Y., London: Academic Press.
- Emerson, R. (1841). Self-reliance. In: Emerson, R. *Essays* (35–73). Boston: James Munroe and Company.
- Emirbayer, M., Mische, A. (1998). What is agency? *American Journal of Sociology* **103**(4), 962–1023.
- Graham, C., Nikolova, M. (2015). Bentham or Aristotle in the development process? An empirical investigation of capabilities and subjective well-being. *World Development* **68**, 163–179. DOI: 10.1016/j.worlddev.2014.11.018
- Hitlin, S., Elder, G. (2007). Time, self, and the curiously abstract concept of agency. *Sociological Theory* **25**(2), 170–191. DOI: 10.1111/j.1467-9558.2007.0030
- Ryff, C. (1989). Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology* **57**(6), 1069–1081. DOI: 10.1037/0022-3514.57.6.1069
- Sen, A. (1985). Well-being, agency and freedom: The Dewey lectures 1984. *The Journal of Philosophy* **82**(4), 169–221. DOI: 10.2307/2026184
- Sorensen, A. (2000). Toward a sounder basis for class analysis. *American Journal of Sociology* **105**(6), 1523–1558. DOI: 10.1086/210463
- ul Haq, M. (1995). *The Reflections on Human Development*. New York, Oxford: Oxford University Press.
- Welzel, C. (2013). *Freedom Rising. Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. Cambridge: Cambridge University Press.